ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ



LXXXVII

О ЗАДАЧАХЪ ИЗУЧЕНІЯ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ

сообщеніе

И. С. Некрасова



1892

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ



LXXXVII

О ЗАДАЧАХЪ ИЗУЧЕНІЯ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ

СООБЩЕНІЕ
И. С. Некрасова



1892

Напечатано по распоряженію Комитета Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности.

Секретарь *Хр. Лопаревъ*.

Типографія В. С Балашева. Спб., Екатерининскій каналъ, 80.

О задачахъ изученія древне-русской литературы и народной поэзіи.

Не рѣдко отъ молодыхъ ученыхъ приходится слышать, что трудно выбрать тему для ученой работы занимающемуся исторіей древней русской литературы. А между тѣмъ въ области нашей древней письменности много такихъ вопросовъ, которые почему-то обходятъ мимо, на которыхъ не останавливаются. Напримѣръ, мы до сихъ поръ не имѣемъ спеціальнаго изслѣдованія о нашихъ древнихъ лѣчебникахъ, травникахъ. Болѣе тридцати лѣтъ назадъ Буслаевымъ указано было на значеніе этихъ памятниковъ нашей древней письменности. На эти лѣчебныя книги или рукописные лѣчебники нашей древней Руси еще въ 1814 году ссылался Рихтеръ въ своей Исторіи медицины въ Россіи. Въ этомъ сочиненіи, въ главѣ «О домашнихъ лѣкарствахъ употребляемыхъ въ Россіи. Познаніе оныхъ изъ бывшихъ здѣсь прежде въ употребленіи лѣчебниковъ» Рихтеръ приводилъ множество свѣдѣній, заимствованныхъ изъ древне-русскихъ лѣчебниковъ. Онъ имѣлъ подъ руками нѣсколько такихъ рукописей. Нѣкоторыя изъ сихъ рукописей, говоритъ онъ [1] находятся, при физико-меди-

[1] Рихтеръ: Исторія медицины въ Россіи. Ч. I, стр. 91.

цинскомъ обществѣ здѣшняго (московскаго) университета. Рукописей этого отдѣла нашей древней письменности существуетъ огромное количество. Нѣтъ ни одной библіотеки, оставшейся отъ нашей древней Руси библіотеки болѣе важной, въ которой не было бы этихъ памятниковъ. Мы ихъ встрѣчаемъ и въ такихъ библіотекахъ, какъ Патріаршая или Сѵнодальная. Встрѣчаемъ мы ихъ и въ монастырскихъ библіотекахъ, какова Соловецкая и другія. Мы встрѣчаемъ эти памятники въ Описаніи Румянцовскаго Музея и библіотеки Царскаго. Уже большое число рукописей, большая распространенность ихъ въ древне-русской публикѣ показываетъ намъ, что слѣдуетъ требовать обслѣдованія ихъ отъ занимающихся древне-русской письменностью; съ другой стороны этотъ отдѣлъ памятниковъ можетъ доставлять большой матеріалъ для изслѣдователя, а въ то же время не можетъ подавлять его слишкомъ большимъ количествомъ матеріала, какъ нѣкоторые другіе отдѣлы нашей древней письменности. Мало того, даже сдѣланы нѣкоторыя подготовительныя работы, чтобъ облегчена была разработка этихъ памятниковъ. В. Соколовъ въ 1872 году напечаталъ «Матеріалы для исторіи старинной русской лѣчебной литературы» [1], причемъ довольно подробно описалъ лѣчебникъ московской Сѵнодальной библіотеки подъ № 480, причемъ сообщилъ содержаніе и оглавленіе главъ его и прибавилъ нѣсколько замѣчаній о времени составленія рукописи, объ источникахъ ея, объ языкѣ рукописи. Въ 1880 году проф. Флоринскій издалъ «Русскіе простонародные травники и лѣчебники, собраніе медицинскихъ рукописей XVI и XVII вѣка» [2]. Проф. Флоринскій считаетъ, что въ

---

[1] Варшавскія Университетскія Извѣстія, 1872 г., № 6.

[2] Приложеніе къ Ученымъ Запискамъ Импер. Казан. университета.

числѣ памятниковъ старинной русской литературы не послѣднее мѣсто должны занимать сохранившіяся рукописи медицинскаго содержанія. При этомъ онъ издалъ *Травникъ* и *Прохладный Вертоградъ*, съ нѣкоторыми соображеніями объ ихъ происхожденіи. Въ 1883 году Сырку издалъ отрывокъ малорусскаго простонароднаго, XVII в., лѣчебника-травника [1], а въ 1890 году покойный профессоръ Потебня напечаталъ замѣтку о малорусскихъ домашнихъ лѣчебникахъ XVIII вѣка. Этими указаніями я имѣю въ виду уяснить, что даже кое что подготовлено къ полному и всестороннему обслѣдованію отдѣла названныхъ памятниковъ. Конечно такое изслѣдованіе требуетъ большаго труда. Но достаточный ли интересъ представитъ такое изслѣдованіе? Во всякомъ случаѣ гораздо больше историко-литературнаго интереса представятъ лѣчебники, чѣмъ масса являющихся за послѣдніе годы работъ, которыя заходятъ въ область исторіи литературы церковной, съ которой не легко и справляться людямъ спеціально не подготовленнымъ. Содержаніе древне-русскихъ лѣчебниковъ было очень широко и разнообразно.

1. Есть лѣчебники, которые начинаются также какъ хронографы, напр.:

Книги сеи целѣбника именуемо̊ лечебника начало выписано ис книгъ ветхаго и новаго завѣта и свт҃ыхъ о҃цъ како сотвори Бг҃ъ свѣтъ и н҃бо и землю і вся яже на всеи вселѣннеи былие травное и насади я и древеса плодовитая и многолиственная сияющее цвѣты разными и всякою добротою бесчисленною исполнено и солнце и мѣсяцъ и звѣзды и

[1] Филологич. Записки 1883 г. № 1. Проф. Сырку обѣщаетъ подробный разборъ этого травника.

ѿ воды киты великія и всяку дш҃у животныхъ га҃ и птицъ и звѣри и скоты и чл҃вки и моря и рѣки и источники напоющия все лице земное и вся сия на всеи вселѣннеи покори Бг҃ъ чл҃вку и ничтоже ѿмѣтно остави и свт҃ыми апостолы и свт҃ыми ѿцы паки ѿ тѣх подтверждено божественными писаниі также и книгъ философскихъ и дохтурскихъ и лекарскихъ которые лѣкарства пристоины ко врачеванию ото всякиѧ болѣзнеи человѣческиⷯ яже о томъ писано ниже сего. Видите вѣтхаго завѣта имянуемо Библиі сказание иже во свт҃ыхъ ѿца нашего Епифания архиеп҃копа Кипрскаго о зачалѣ сед҃ми днеи изобрано ото многихъ лѣтописцовъ и ѿ бытиі о сотворениі мира и ѿ протчихъ кн҃гъ моисѣевыхъ и ѿ исуса навина и ѿ судѣи иѹдѣискихъ и ѿ четырехъ цр҃ствъ и ѿ ассириіскихъ цр҃еи и ѿ алеѯандриі и ѿ римскихъ цр҃еи Еллинъ же и благочестивыхъ и ѿ русскихъ и ѿ Сербскихъ и болгарскихъ лѣтописцовъ. Первое начинаемъ з богомъ о шести днехъ, иже сотвори Бг҃ъ всю тварь, якоже рече Давидъ словесемъ гд҃нимъ нб҃са утвердишася дхомъ устъ его і вся сила ихъ ѿ премѹдра моѵсѣя и ѿ севериана еп҃кпа гевалскаго. Начало первоⷢ дни. Вначалѣ Бг҃ъ сотвори мирозиждительнымъ своимъ словомъ нб҃о безвѣздное бесчисленною добротою сияющее лучами божественными сиі рѣчь не сие видимое но превыщшее нб҃о якоже Давидъ глаголетъ нб҃о нб҃си гд҃ви и землю всепитателницу земля же бѣ невидима и неукрашена и тмы верхѹ безд҃ны и дх҃ъ Бжиі ношашеся верху воды не ѡ свтѣмъ же Дусѣ глаголетъ здѣ ибо не считаетъ я съ тварию созданною, но Духъ наричетъ аерное подвижное и рече Богъ да будетъ свѣтъ свѣтуже возсиявшу и повсюду пролиявшуся и нарече Богъ свѣтъ день а тму нарече нощъ отъ сихъ убо претече первый день.

Иже во свтыхъ оца ншего Епифанія Кипрскаго о первомъ дни. Въ первый день сотвори Богъ нбса горнія и землю ѽ нижe стихиі есть ледъ снѣгъ и мрази и роса. Дхи и служащая предъ нимъ иже суть се англи предъ лицемъ его и англи славѣ англи втръ дыхающие англи бури снѣга и града и снѣга и леда и англи гласовъ и громовъ и молніи, англи мраза и зимы и іесени и пролѣтия и жатвъ і всѣхъ дховъ и тварей сущихъ на нбси и на земли сотвори бездушныя по землею и по преисподними сотвори тму яже на бездною во бывшихъ древле верху земли изъ нея же бысть вечеръ и нощъ сотвори свѣтъ дню же и утренниі сия семь дѣлъ великихъ сотвори Бгъ въ первый день. Начало в дни.

Во второй день рече Богъ да будетъ твердь посреди воды и да будетъ раздѣляюще посреди воды и сотвори нбо сіе, а не горнеѣ, но видимое отъ воды сгустивъ е яко ле и нарече твердь сиі рѣчь нбо и воздвиже половину ѿ вод горѣ и учини на твердию а половину остави. І паки всепремудрыи Бгъ въ третиі день сотвори моря и рѣки и источники и езера совокупивъ воды во едино совокупленіе и бысть суша и явися лице земное и красота возсия каменію и горамъ и бродом глубокодолнимъ от сего убо состав водны море нарече, сушное же естество землю хитрець нарече Бгъ вседѣтель и еще не возсіявшу солнцу многоразличному былию повелѣ прозябнути ово убо на сладость и красоту токмо очима ово и живопитанно и сущимъ на земли потребно тогда первие красотами земля украсил якоже шар многоразличныи всюду сияше бо кринъ многообразныи бяхꙋ и галиди и акиндъ восхождаше бяше на высшꙋ доброту возрастахꙋ класи отягчены пшеницею бяше просо мꙋролиственно стеблиемъ колеблемо добра вся и красна рас

простерта бѣ трава мягка зеленящеся и говяда кормяще и коня питающия и волове росная пажить таковꙋ красотꙋ преиспещреннꙋ земля ношаше прозябахꙋ и древеса добролиственна и множество садовия и доброцвѣтуща и овоще носна явѣ бяхꙋ и яблока доброрастныи и доброгладный ихъ стебель масличныи и тукоточныи и ꙋслаждающия смокви тополие толстостебленное елия дубіа брестие преложися нѣкиі вѣтръ тополивъ листвию и сладокъ шепетъ творяше гамобꙋ и черешния добрая и ѳиникъ медвяный и гроздная мати виноградъ и составѣ лозниі и гроздь медточащиі ростяше на лозахъ и все совершенна и плодна и одорованна привѣрено бысть в нихъ же бо заде свѣтъ дня третияго. Начало дне четвертаго. Восияваше же лице четвертаго дне паки повелѣніемъ зиждителевымъ первое возсия зѣница дневная великое свѣтило солнце и живопитателный свѣтилникъ источникъ свѣта неиздаемыи, домъ огня бездровнаго тогда первѣе начетъ свѣтити нощъ лунныи и бѣлосвѣтлыи и свѣтоносныи крꙋгъ скоро обходныи и всесвѣтлыи и многоразличныи и совершеныи тогда нбо звѣздами просвѣтися ıако одежда златотканная бисеромъ обнизана и ꙋкрашена якоже камениемъ доброкруглымъ и великими звѣздами таковая убо нѣкая пестрота цвѣтная нбо украшаше сотвори же Бгъ солнце и лꙋнꙋ и звѣзды ѿ сотвореннаго свѣта к первы' день тамо ꙋбо вещественное свѣта содѣлавъ здѣ же свѣтило сотворь якоже аще кто ꙋкругъ злата преложив и посемъ на златники иссѣкъ великия же и малыя сице расчинитъ златнꙋю красотꙋ тако и свѣтъ единосꙋщенъ и единовиденъ разсѣцая хитрецъ раздѣли всепремудрый Богъ въ солнцѣ и в лꙋнꙋ и звѣзды в сихъ ꙋбо преде четвертыи день. Пишетъ же индѣ яко в четвертыи день диаволъ ѿпал видѣвъ землю ꙋкра-

шенну и рече поставлю на облацехъ престол мо и буду подобенъ вышнему. О пятом дни. Животно же ни едино живяше на земляныхъ широтахъ ни по водѣ пловуще ни по суху ходящее ниже по аеру летающее но всесовершенныи Бгъ рече да изведу воды киты великия и рыбы и всяку дшу животныхъ га и всяку птицу пернату породу и абие водное естество крѣпость пріятъ одшевленную и силу рожественную живы дша отуду произвед и якоже сѣмя Бжие повелѣние спаши водосточныя струи творяше многоплодныхъ о нихъ же вскорѣ произыдоша простокрилніи и аерополніи птица имѣяху свободно перо на летание борзая и легце возпышахуся к ширинамъ воздушнымъ овиі убо великокрылніи и великобедриі и клювонохтиі яко стрѣлы и нохты протяжуще остро клювы имуще паче ножевѣ иже птицам владущіі орел и ястребы суровоядцы имъ же хотяше снѣд мяса быти о сего птицы песнивыя и былия ядущая мали периемъ и худы телесы различно возглашаху дроздове, славие брехание синицовъ, скворцы и всяка птица и всяко ползущее елико въ водахъ живетъ и в дубравахъ и в горахъ толикими животными пучины водныя и земляную сушу исполнивъ аеръ яко градъ твердонырныи распространивъ плотоснѣднимъ птицамъ и былия ядущимъ в сихъ совершися теченіе пятаго дни. Начало шестаг дни. В шестыи же паки облистоваше всепремудрыи зиждитель рече да изведетъ земля дшу живу породу четвероногая и гады земли звѣри и скоты. Рѣче же Гдь сотворимъ чл̃ка по ѡбразу нашему и по подобию и вседѣтельныма дланма взем персть о земли и сотвори чл̃вка по образу Бжию сотвори ею мужа и жену и сотвори в дн̃ь шесты вся дела своя. И препочи в дн̃ь седмыи ото всѣхъ дѣлъ своихъ и благослови Богъ день седмыи освти его яко в то почи о дѣлъ

своихъ. Ѿ раи и о рекахъ и о моряхъ. В шестыи же день сотвори Бгъ раи на востоцѣ вь едеме не мотыками роскопа ни разоравъ добротꙋ прекрасныя земли ниже дланми насадительными но словомъ единѣмъ и древо всяко прозябаше доброплодно тамѡ добросѣнно лиственно добровѣтвенно и сладкоꙋханно и кто ꙋбо добротꙋ едемскꙋю пред лицемъ представитъ ѡво ꙋбо стеблїа садовиямъ бяху овощеносны мъ ово же множество древесъ благуханныхъ и присноцвѣтущихъ ово медоточная прозябахꙋ ѡвощия ѡво же на красоту израстахꙋ нбсемъ точпая высотою древеса емпися водам питаемая и островерхое елие превысокая тополия и кипарисия и брестия листвие сражахꙋся вкꙋпѣ древния листвия мѣшахꙋ стеблия другъ со другомъ сплетенми любезнѣишими солнцꙋ же возсиявшꙋ и к садовию приближающꙋся сметаше долу тихолиствие ихъ. Елико-же частина отверзашеся листвию восиявшу толикомъ доброты и криномъ свѣтящеся бѣлость неболливаж и безтемная шипцы они елико богро и бѣлозрачно в нихъ яко звѣзда луча испꙋщающи и сияюще ѻ земля земленое лицо зеленяшеся пестрозрачными травы ово же мꙋдряшеся росокапленными цвѣтовы и многоразличными доброзрачныі зефирь тиходыхательныи подыховши ѻ всюдꙋ и цвѣтными вонями наполняше воздухъ. Ѻ древе разꙋмнѣм и ѡ рекахъ. По среди же сихъ древо животное прозябе блгодатми цвѣтꙋщее добролиственное и краснодревнее иже имать источникъ ѻ долꙋ истецаше среди есть великая океяп река и добросадие едемское напояше село и садовное обтецаше корение и отросли и цвѣтная мяхкая поквашаше стеблие ѿтꙋдꙋже на четыре части раздѣляющися и бываетъ мати рѣкамъ великолиственнымъ реки͗ они нарицахꙋся гласомъ сирскимъ имя единой ѳисіонъ, сия обходитъ всю землю

евилацкую. вторѣи Геон сия обходитъ всю землю ефиопскꙋю река же третия Тигръ сия идꙋщи прямо Асириемъ, река же четвертая Ефратъ не точию же таковыя реки напояхꙋ лице земное но великая река и ѡзера и источники ихъ же сотвори Бг҃ъ втретiи дн҃ь прохождахꙋ и окрꙋжахꙋ землю и напояхꙋ. ѡ четырехъ великихъ моряхъ. Первое море великое начинаетъ ѿ чл҃къ имꙋщихъ песия главы и преходитъ египетъ и разд ѣляетъ индию и простирается ко островомъ окияна иже исходитъ из рая на томъ бо мѣстѣ иматъ окиянъ островы в ширинꙋ же его нарицаетъ же ся сие море египетское чермное занеже есть оног моря перстъ чермна сего ради и вода видится чермна а естествомъ нѣсть чермна но подобна всѣмъ водамъ. Ѡ второмъ мори. Второе море есть во Алеѯандриi иже простирается до Сикилиi и сравняется с третиемъ моремъ смѣшается. Ѡ третием мори. Сие же третие море простирается к калавриi и асматiискимъ горамъ иже и асмапе наричются тамо живꙋщиi и обращаяся море сие вгнеждается среди гадирскихъ горъ и тако распростирается смѣшаяся с окияномъ иже исходитъ из рая главнѣшее бо сие море паче инѣхъ моръ занежѣ гадарския горы соль сꙋть а сие море проходитъ посреди ихъ и соль большую приемлетъ. Ѡ четвертомъ мори. Четвертое море идетъ ѿ сиракꙋз на сѣверъ и обходитъ асию и аланию и распространяется к полꙋнощномꙋ обходꙋ до видахтиiския тѣсноты. Пятое же море евѯинъ понтъ понеже ѿ четвертаго моря препондидою входитъ по немъ же шествие к перскимъ странам по таковымъ убо великимъ морямъ шествꙋюще ѿ страны въ странꙋ корабленици повѣдають всяка чꙋдеса всесилнаго Бога содѣвающе малыми животными малая ꙋбо рыбица гл҃ахꙋ ехинiи тако ставит великiи корабль

и держитъ яко не постꙋпить емꙋ долго никаможе дондежѣ норцы ѿрѣжꙋтъ ея ѿ дна корабля також и морскиі ехинъ малыи тꙋ живетъ ꙋвѣсть егда хощетъ бꙋря быти тꙋ на камень великъ и твердъ вшедъ яко на анкирꙋ и тѣмъ велми зыблетъ яко волнамъ его неꙋдобь облещи егда сия ꙋзрят корбленицы ѿ сего познаваютъ бурю ветренною хотящю быти и спешит к пристаницꙋ, також акионъ есть морская птица гнѣздо творить у моря на самом песцѣ яица рождающи въ мори среди зимы многия же бꙋри и вѣтри тогда престанꙋтъ и ꙋтишатся волны морския седмь днеи и егда анкиянинъ сидитъ в седмы бо день изводитъ птица кормитъ же другия семь днеи корабленицыж стоятъ и нарицаютъ сия дни анкиѡницкия. Раи его же насади Богъ на востоцѣ яко быти третиеи части до нбсе высота его и всяческими добротами украси его и паче всего свѣта бжественною блгодатию сияя краснымъ садовиемъ и плоды сладкими и блгоꙋхание исполняемъ иже не можетъ чл҃вкъ изрѣщи. Гл҃ю же яко птица добропѣснива тамо обрѣтаются убо на сеи землѣ на время птица гл҃емая Асиринъ, его же нарицают раиская птица толико же бѣ пѣсни его сладость егда ꙋслышитъ тою чл҃вкъ поюща забываетъ вся сущая здѣ и вслѣдъ его шествꙋетъ дондеже пад умретъ и ѿ сего единаго бжственнаго рая и якоже чловкъ созданъ бысть посреди тля и нетлѣния сице и тоі ниже ꙋбо бысть конечно нетлѣненъ ниже паки тлѣненъ но присно всегда исполненъ плодовъ бываетъ овы цвѣтꙋще овы зрѣюще и ина созрѣвши ꙋбо плоды на землю падаютъ и изгнивающе же не смердятъ но персть благоꙋханна бываетъ исходящая же река окиянъ ѿ рая и раздѣлися въ четыре начала персть ꙋбо ѡнꙋ блгоꙋханнꙋю индияномъ и ефиопомъ приноситъ по нивамъ и ораниемъ оставляетъ, таковыми убо благодатми

украси творецъ и зиждитель и всяческими добротами уяснивъ бж҃ественнаго немошно есть исповѣдати чл҃вкꙋ словомъ ни вещемъ приꙋподобити ни слꙋхомъ вмѣстити в таковая ꙋбо бл҃гая вводитъ Адама его же сотвори и вселяетъ вь едемстѣмъ добросаднемъ селѣ яко же вчертозѣ бисер драгиі в мирѣ мармори убо видѣннемъ почестию же лꙋтче велми и ѿ мира приведе же ко адамꙋ всяко животнѡ на земли ходящее и по воздꙋхꙋ парящее яко да приіметъ имена ѿ него къ естествомъ приличная приводящеся левъ зияющеи и юнцемъ губитель медвѣди грозно ѡчиі препестриі пардꙋси елене пестрокожиіі и частоопахия лисици елефантонъ твердочелый и юнецъ рогобовыи и яребица черные нозѣ имꙋще скворцы четвероперіі чревы простирахꙋ и блесковы пѣкия бѣлости нощахꙋ пав златокрылніі сияше пестротами многими и златяшеся френомъ и цвѣтяше злато посреди яко сияюще и яко вертограда цвѣтꙋщꙋ первѣе украшахꙋ животное обстꙋпахꙋ вся адама яко вл҃дкꙋ раби и окрꙋжахꙋ и охаповахꙋ родоначалника онъ же осязаше рꙋкама неꙋкротимыя яко новородныя и младыя агнца млеко ядꙋщая и еже ѿ сих ни мало небояшеся напасти лютая бо и лꙋкавая и злотворивая злоба единаче не вселилася бы в ср҃дце его сице ничесо же на безстрастнꙋю дш҃ꙋ похвалится ни звѣрь ни огнь, ни рѣки великомꙋтныя дерзость. Аще воцаришася над страстми, аще грѣхомъ обладаеми и на василиски лютыя и на скорпия настꙋпиши и смириши лва и тигра ꙋкротити. Ѡ созданіі Еввы и о изгнаніи Адама. Адамꙋ же не обрѣтеся помощникъ и вложи Бгъ сонъ во адама и успе горкимъ сномъ началкомъ низверженію и вся гꙋбителныя вражды коснꙋжеся сего ребрꙋ спящꙋ зиждитель и взятъ его созда ѿ сего женꙋ адамъ же перстию созданныи и первыи в чл҃вцѣхъ еввѣ всѣхъ м҃ти бысть ребромъ оц҃ъ внꙋтрь пищнаго села живяста

ѡба яко бесплотны не имꙋще попеченія любовещныхъ якоже не обложена плотскою всячески тяготою вкꙋпѣ же. Паки самъ Богъ законъ полагаше гля о земнородная и едема сего первожителя вся сиявши приведена быша потребѣ вашеи насложденне всякое древо ꙋготовися ѿ всѣхъ ꙋбо насыща̑теся сеже токмо на пакость вашꙋ разꙋмное древо ѿ сего бѣга̑те и сему единомꙋ не коснѣстася притконꙋтие бо приноситъ тлю и желчь прелѣсти внꙋшение. аще бо сего токмо вкꙋсита падениемъ падета велми горко бо овощие износитъ и смерть прозябаетъ. Аще ли ѿ сего сохранитеся избѣгнете жала смертнаго и пространство налѣжите живота вѣчнаго сия же слышавше ꙋбоявшеся родоначалницы и прещениемъ сотрясахꙋся и устрашистася гласа и садъ яко враждебенъ ѿ дꙋша ненавиде тако сатана завидяше и скрежеташе зубы яко пѣны точащи и ярящеся яко диві козелъ видѣти нетерпяше ихъ живꙋщихъ яко аггли и ꙋбо свое злокозньство змия злокоснаго и строптиваго обрѣтаетъ прелсти праматерь и показа си овощие видѣ же она плодъ и бяше плодъ красенъ и радостенъ бѣ видѣниемъ и добръ въ снѣдь преблазняшеся взоромъ и привлагашася срдцемъ мняше сладко срдцемъ и сладко желаниемъ паляще показа сего сатана и прелсти є̑ чашꙋ показоваше ꙋслажаемꙋ медомъ прелестнымъ приползѣже змиі лютыі свисташе лꙋкавне. аще бо вкꙋсите рече ѿ сего доброплоднаго древа аще токмо принесете ко ꙋстамъ овощие ѿверзꙋтся вѣжди очима вашима и бꙋдете боги и разꙋмѣете вся ꙋслыша же сие жена и ѿ ласкания повинꙋся услажающему присно и вкꙋси дастъ сꙋпрꙋгꙋ ядоста оба ѿ плода и причастистася овощию преслꙋшаста заповѣдь и снедоста ѿ древа и при ногꙋ има послѣдоваша ѿверзоста очи я и видѣста стꙋд свои познаста же наготꙋ свою и сра-

мотꙋ тѣмъ прикрыстася во глꙋбосѣнная и ꙋдалися и подбѣгоста под частая и многая древеса сшиста себѣ препоясания лиственная ѿ дебѣлыхъ листов подсадовия подбѣгоста и притекоста под кров бѣ зинути на нихъ земли молистася широкими ꙋсты, разꙋмѣ же сия Богъ иже насадитель добросадныхъ древ и предста и тꙋжаше родоначалникомъ поноси неразꙋмие и досади прелести ихъ и рече Богъ се адамъ бысть яко единъ ѿ насъ еже видѣ добро и зло здѣ яви есть яко трисоставно бо Бж҃ество ибо первѣе хотя создати чл҃вка по образꙋ нш҃емꙋ к неи же рече се адамъ бысть яко единъ ѿ насъ еже видѣти добро и зло занѣ когда простреть рꙋкꙋ и возмет ѿ древа жизни и снѣсть живъ бꙋдетъ во вѣки и облече ѧ҆ Бг҃ъ в ризы кожныя и изгна я изъ рая и ꙋмꙋчи трꙋдными и тяжкими дѣлы земли живопитательницы запрети изнести терние бодꙋще ихъ игложе остробосно болѣзни на нее лютыя и трꙋдородныя па еввꙋ праматерь первѣе пострадавшꙋю и постави Бг҃ъ херꙋвимъ с пламенным орꙋжиемъ стрещи врата раиская. Вселижеся адамъ прямопищному селу и позна еввꙋ пристраннѣ и роди каина и потом авеля и каинъ ꙋбо арапием полесским внимаше авелже юнѣишиі пастырь бѣ, принесоста же оба начатки трꙋдов своихъ и ꙋбѡ авелевы дары пріатъ Бг҃ъ яко ѿ первых принесшꙋ вправѣ и ꙋгодившу дароносиемъ же каиновым не внят яко не ѿ первых направѣ принесшꙋ ѿ сего ꙋбо опꙋстѣ лице каиново на авели взираше очима братоненавистныма и па ничто же озлобившаго мысляше возложити длани ꙋбивственныя оле бесчеловѣчнаго разꙋма его же и звѣрие боятся сотворити ꙋбивает ꙋбо брата и ѿдаетъ смертнымъ нѣдромъ гнѣвно же возрѣ Бг҃ъ па братоꙋбиіцꙋ и седми клятвами обложи его лютыми изгна ѿ лица своего роди же адамъ дщери двѣ Іизахъ

и Ꙋсаимь каинъ же поятъ себѣ женꙊ сестрꙊ свою первꙊю Іизахъ изыд ѿ лица Бж҃ия и вселися в землю наид прямо едем и Ꙋмысли первѣе грады здати и роди еноса и бѣ зижда град во имя его и множишася родꙊ чл҃ческомꙊ начаша разбои творити и оскверняхꙊ же рꙊцѣ и землю Ꙋбивственными кровми. О сифѣ и ѡ грамотахъ. Да не якоже Ꙋбо и мѣста неꙊтѣшенъ плачь родꙊначалника ѿ длани Ꙋбивственныя авеля погибша сифа онаг праведнаг дарова имъ Бг҃ъ иже поятъ себѣ в женꙊ вторꙊю сестрꙊ свою ИꙊсꙊанꙊ сифъ же перве написав сложение словесемъ жидовскимъ языком и знамения нбс҃ная лꙊнное течение и лѣта в лѣта положи четыре времена и мц҃ы и нд҃ли и звѣздам сотвори имена и паки великим звѣздам нарекова имена первы поясъ сирѣчь великая звѣзда крона ѿ тверди сиі рѣчь ѿ сего нб҃се и до пояса крона безмѣрная высота не имѣя ничего развѣе воздꙊхъ иже нарицается еѳиръ вторыи пояс диѡсъ третиі ореосъ четвертыи афродисть шестый ермиосъ седмыи лꙊна на с҃емом поясѣ стоит лꙊна а на всѣхъ поясахъ анг҃ли стоят и по поясом звѣзды свѣтлы сут солнце стоит на востоце а лꙊна на западе пятиюнадесят днию совершена в четвертыи день сотворена лꙊна солнце поидет по южными странам на запад а лꙊна по сѣвернои странѣ на востокъ на ту нощь почала Ꙋбывать приятъ лꙊна послѣ солнца внѣ твари единонадесятъ дн҃ь не бытиемъ но сиянием в тѣхъ же днехъ в третие лѣто сбирается лꙊна влажная третия надесят в томъ же крꙊгѣ народится новыи мц҃ъ и положи Бг҃ъ в лꙊнѣ часом и днем знамения потребная на дѣла сим вся сифу ѿ Бг҃а дается разꙊмъ Ꙋвѣдѣти его же нарекоша тогдашниі чл҃цы бл҃гчестию его чюдящеся зане имяше еврейскꙊю грамотꙊ тꙊ и нб҃сное течение и звѣздам имяна и его ради Сифовы и еносовы отроци

с҃нове Б҃жїи нарицахꙋся и вхождахꙋ ко дщерям каиновым и родиша имъ гиганты еже есть исполини превелики ꙋбо ради Сифа крѣпци и велики скврънаго же ради Каина лꙋкаваї и силниї сим ꙋбо сифовымъ внꙋкам проповѣдано бысть свыше хотящая быти гибель чл҃вкамъ и сотвориша два столпа единъ каменъ а дрꙋгиї глинянъ написаша же на нихъ яже ѿ дѣда своего Сифа слышаша знамения неб҃ная и лѣта и времена и м҃цы и н҃дли и имя сифово и чадь его и звѣздам имя на дсцѣ камянне и глиняне и ꙋтвердиша на ст҃лпѣ г҃лаше аще ѿ воды вес миръ погибнет каменныя останутся аще же ѿ огня то глиняны пребꙋдет имѣ же написано на нем.

Далѣе идетъ о родословіи, что совершенно сходно съ лѣтописцемъ[1] до потопа. Далѣе идетъ разсказъ о потопѣ.

Ное же бывъ ф. лѣтъ и роди три сыны сима хама и Афета и егда ꙋмножишася чл҃цы и родишася имъ исполины мꙋжие имениты и ꙋмножишася злобы чл҃вкомъ. Ное же единъ в сифовыхъ внуцѣхъ праведенъ сы девятыи ѿ семене адамова иже добродѣтель проходя и злобꙋ ѿ д҃ши возненавидѣ и злотворивыя чл҃цы невозможе уцѣломꙋдрити преселникъ бысть ѿ своея земли повелѣ же емꙋ Б҃ъ створити ковчегъ и животно всяко в немъ затворити да бꙋдетъ сѣмя и оживление роду створяетъ ꙋбо ковчегъ ѿ древ негниющих ꙁ҃ лакотъ вдолинꙋ а л лакотъ в высотꙋ тмꙋ в себѣ предградь плѣтныхъ имꙋщꙋ в нидеже в ковчегъ самъ и жена его и с҃нове его Симъ, Хамъ, Іафетъ и ж҃ны с҃нов его птицы и звѣри и гады по роду ѿ чистых седмь седмь а ѿ нечистых двое двое, Б҃ъ же хляби н҃бсныя ѿврзе вся ѿ тꙋды изведъ моря покры вся верхи

---

[1] Т.-е. съ хронографомъ.

великодолныя горъ и скры все лице земное и слн҃це невидимо бысть и свѣтꙋ первородная паки обдержаше тма бездная и звѣрие ꙋбо носими бяхꙋ мертвиі потоплени чл҃вкъ же земнородныхъ всеродъ началниі потопишася и телеса ихъ яко корабль паче же яко прахъ на водныхъ плещахъ легко ношахꙋся и всяко создание потребися и нача ꙋбывати вода по ρн дниі и сѣд ковчегъ мі҃ра седмаго в кз на горахъ араратскихъ.

Я привелъ этотъ большой отрывокъ изъ памятника для указанія того, что есть списки лѣчебниковъ со введеніемъ, имѣющимъ соотношеніе съ хронографомъ или еллинскимъ лѣтописцемъ.

2. Эти травники и лѣчебники представляютъ намъ вѣру въ чудесную силу травъ и заговоры, что близко стоитъ къ памятникамъ народнаго творчества, къ поэтическимъ воззрѣніямъ народной поэзіи. Въ нѣкоторыхъ лѣчебникахъ, напр., говорится, что у кого идетъ горломъ кровь, написать того имя на бумагѣ, и перестанетъ и мирно да пріидетъ судія всей вселенней и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь, и оттого кровь уймется. Если человѣкъ бѣсится, то лѣчебники совѣтуютъ привязывать ему извѣстной травы ко кресту. Въ травникахъ мы встрѣчаемъ, напр., свѣдѣнія о травѣ Адамова голова, которую рвать нужно съ крестомъ господнимъ и молитвами, «а кто хочетъ диавола видѣть или еретика и тотъ корень возьми водой освяти и положи на престолъ и незамай 40 дней и тѣ дни пройдутъ носи при себѣ—узриши водяныхъ и воздушныхъ демоновъ» [1]. Кто носитъ при себѣ траву Пострѣлъ, дьяволъ бѣжитъ отъ того человѣка [2]. Нося при себѣ

[1] Флоринскій: Русскіе простонародные травники и лѣчебники, стр. 4.

[2] Ibid., стр. 7.

траву Попугай гдѣ хочешь проси денегъ или хлѣба, аще мужеска пола (у кого просишь) положи на правую сторону пазухи, аще женска пола на—лѣвую. А ежели скоморохи играютъ кинь имъ подъ ноги и они передерутся» [1]. Трава Ряска добро положить въ головы женѣ и она скажетъ что было съ ней добро или зло, а положить надобно въ сихъ числахъ 19, 20, 25 [2]. Есть трава Сава. Страшна бо та трава! Когда человѣкъ найдетъ на нее въ полѣ или въ лѣсѣ то умомъ смятется. Аще кто украдетъ поворотится отъ него, только положи въ слѣдъ [3]. Носи съ собою траву Царевы очи аще который человѣкъ хочетъ на пиръ идти не боится еретика, а кто хощетъ жениться, держи при себѣ—ласковое житие будетъ [4]. Наши древніе русскіе лѣчебники рекомендуютъ много такихъ средствъ, которыя мы теперь называемъ симпатическими, напр., очи медвѣжьи вылупленныя, привязанныя на лѣвое плечо—удаляютъ четырехдневную трясавицу; вѣнокъ изъ травы, положенный на голову, унимаетъ кровь; зажженная свѣча, поставленная на больной зубъ—удаляетъ отъ него боль; если у кого выпалъ зубъ, то нужно его бросить на печь, приговаривая: «мышка, мышка, на тебѣ жиленый, дай мнѣ костяной». Трава Синеворотъ считается средствомъ отъ смертнаго часа. Кого бьютъ на правежѣ, то травою борщъ парить ноги по вся дни доколѣ бьютъ, и ноги оттого будутъ цѣлы. Носить при себѣ плакунъ траву, чтобы спать въ лѣсу, быть покоинымъ на морѣ, рѣкахъ и прудахъ. Приложенное къ женѣ сердце свиное за-

---

[1] Флоринскій, ibid., 7.
[2] Ibid., 8.
[3] Ibid., 9.
[4] Ibid., 11.

ставляетъ ее все на себя сказать. Лѣчебники много останавливаются въ этомъ отношеніи на мужѣ и женѣ. Отъ мудрости Аѳинскихъ мудрецовъ взято—«въ первой степени солнца возьми кожу съ мужа своего и пепелъ на крестъ, и безъ печали непріятели погибнутъ»; если жена посыплетъ пепломъ галгана, то мужъ будетъ слушать; если положить магнитъ вѣрной женѣ, то сквозь сонъ мужа обойметъ, а которая отъ мужа блудитъ, то съ постели слетитъ; давать женѣ воробьевое серце ѣсть, если бѣгаетъ отъ мужа; король Давидъ, аще будетъ подъ смоковницей нѣкогда пася стадо воззрѣлъ на нѣкоторую невѣсту тяжку отъ великія немощи и смилуяся ей просилъ у Бога, съ котораго бы лѣкарства уздравлена была, тогда Ангелъ Божій указалъ ей возьми дубовую омелу и вложи въ перстень на правую руку, чтобы до голаго тѣла не дотыкалось, отъ тоя немощи и мы здравы будемъ, кто бы тотъ перстень носилъ.

3. Лѣчебники заключаютъ въ себѣ много традиціоннаго, перешедшаго въ нихъ или сохранившагося въ нихъ отъ древности. Таково напр. лѣченье глазъ желчью разныхъ животныхъ: пѣтуха, собаки, вороны, зайца, медвѣдя, съ указаньемъ на примѣръ библейскаго Товіи вылѣчившагося желчью [1]. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя средства относятся къ очень раннему времени человѣчества. Къ числу подобныхъ средствъ принадлежатъ разные драгоцѣнные камни, которымъ въ поэзіи и вѣрованіяхъ Востока было отведено широкое поле дѣятельности. Таково значеніе драгоцѣнныхъ камней во многихъ древнихъ русскихъ сказкахъ, которыя своимъ первоначальнымъ происхожденіемъ обязаны Востоку. Такъ, въ лѣчебникахъ

[1] Въ сказкѣ объ Еруланѣ Лазаревичѣ для исцѣленія слѣпыхъ достаютъ печень зеленаго царя.

предлагаются совѣты носить при себѣ камни: лазоревый яхонтъ—отъ нечистоты глазъ, червленый яхонтъ—для укрощенія сердца, лалъ—противъ мороваго повѣтрія, изумрудъ—отъ прокаженія, орловъ камень—для легкихъ родовъ. «Сераціонъ мудрецъ пишетъ, что этотъ камень вносятъ орлы себѣ въ гнѣздо и полагаютъ его подъ самками и тогда дѣти его вылупляются безъ болѣзни, а родильницамъ его привязываютъ къ лѣвой сторонѣ, тогда легостно родитъ». Лѣчебники учатъ, что зажженый агатъ помогаетъ отъ падучей болѣзни; сохраняетъ отъ болѣзней, если часто смотрѣть на изумрудъ; щука имѣетъ камень въ головѣ подобенъ хрусталю, кто ее вареную ѣстъ—облегченіе въ проходѣ творитъ; кто носитъ при себѣ курячій камень—того никто не можетъ одолѣть; носящій бирюзу— не можетъ убіенъ быти. Всѣ указанныя нами симпатическія средства при помощи камней и металловъ могутъ представить интересный матеріалъ для сличенія ихъ съ значеніемъ камней въ восточныхъ сказаніяхъ.

4. Въ лѣчебникахъ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ вопросовъ хозяйственныхъ, много разнообразныхъ совѣтовъ для стола разныхъ кушаньевъ отчасти при болѣзняхъ, отчасти вообще для употребленія. Наши древнія лѣчебныя рукописи говорятъ, что траву прострѣлъ нужно класть подъ углы, подъ нижнее бревно; кто въ великій четвергъ обкуритъ селезенкой весь свой домъ со скотомъ и тотъ скотъ его не рушится отъ падежа; можно пріучить звѣря давъ ему одолѣнъ траву; нужно привязать къ гривѣ коня чертополохъ, если что мучаетъ коня; торговому человѣку и кто хочетъ быть богатъ, нужно держать траву Осетъ, если приложить къ замку траву бѣль, то онъ отопрется; къ благополучію живутъ въ домѣ голуби и тараканы, къ несчастію прусаки. Точно также лѣчебники

представляютъ намъ сказаніе о добрыхъ и злыхъ дняхъ, о томъ, въ который день что можно дѣлать и чего нельзя, о планетахъ и вліяніи ихъ на человѣка, нѣсколько календарныхъ предсказаній, напр., если Рождество Христово въ недѣлю, то и весна хорошая, и лѣто сухо, и раствореніе плодовъ. Такимъ образомъ лѣчебники совмѣщаютъ въ себѣ ту массу разныхъ свѣдѣній, которыя пошли въ народъ и распространились потомъ въ календаряхъ, какъ знаменитомъ Брюса, то въ гадальныхъ и другихъ книгахъ народныхъ. Ясно отсюда, что и эти отдѣлы древне-русскаго лѣчебника могутъ доставить немало интереснаго матеріала для изслѣдователя.

5. Травники и лѣчебники могутъ доставить огромный матеріалъ для составленія словарей названій растеній, большая часть которыхъ представляютъ русскія народныя, равно какъ и для словаря названій болѣзней, изъ которыхъ большинство имѣетъ также русскія народыя названія. Я не говорю уже объ особенностяхъ языка вообще, выразившихся вслѣдствіе перевода этихъ памятниковъ съ нѣмецкаго и польскаго языка [1]. Если мы цѣнимъ изученіе переводныхъ книгъ XVIII вѣка для исторіи языка, то тѣмъ цѣннѣе эти переводныя рукописи XVII вѣка. Мы имѣли въ виду только указать, какъ много литературнаго элемента можно извлечь изъ древнерусскихъ лѣчебниковъ, просмотрѣвъ большую часть рукописей, опредѣливъ ихъ редакцію, происхожденіе, сопоставивъ съ другими памятниками литературы и поэзіи. Въ заключеніе о данномъ вопросѣ приведу введеніе къ лѣчебнику Синод. библ. № 481: ѿ никоискихъ правил слово. Врачебное хꙋдожество і въ мирскихъ и во инокѣхъ нѣсть

[1] Въ лѣчебникахъ много греческихъ словъ, а въ фармакопеѣ гр. Уварова, № 312, много итальянскихъ.

ѿметно. Святыи ефрем гл҃ет глаголеміі врачевѣ прилежно испыташа корения и образ быліем и в писаниі преда. І се смотрение божие непщꙋю но оутѣшеніе болящихъ послати. Вопрос св. Варсанофия. Брат вопроси великаго Варсанофия гл҃я добро ли есть творити врачебная хитрость или ни. ѿвѣтъ. Понеже некріі идохомъ всовершение ꙗко совершенъ не пременится ѿ пленения страстнаго оуне есть паче поучатися во врачебных а не во страстных но не должни есми на та имѣти надежду но на ꙋмерщвляющаго и оживляющаго Бга».

Не на одни лѣчебники, а на много памятниковъ нашей письменности можно указать какъ на такіе предметы ученой разработки, которые могутъ расширить исторію нашей свѣтской литературы.

Наряду съ другими памятниками нашей древней литературы слишкомъ малой разработкой воспользовались и наши старопечатныя книги. Правда, нѣкоторые, но очень немногіе (г. Владиміровъ) останавливаютъ на нихъ свое вниманіе, между тѣмъ какую массу историко-литературнаго матеріала представляетъ одинъ требникъ Петра Могилы. Стоитъ только позаняться старопечатными книгами, чтобы извлечь изъ нихъ массу драгоцѣнныхъ матеріаловъ. Занимаясь этими книгами, мы отмѣтили нѣсколько любопытныхъ памятниковъ, изъ которыхъ одинъ приводимъ для образца въ настоящее время. Въ служебникѣ 1646 года въ главѣ 44, на стр. 113—118 мы читаемъ. «Избраніе ѿ бж҃твеныхъ писаніи ѿ правилъ и ѿ прочихъ ꙗко не подобаетъ бракъ составлꙗти со безчиніемъ и глꙋмотворствомъ и всꙗкими бѣсовскими ꙋхищреніи, здѣ внимаи и слоушаи всꙗкъ иже соборныꙗ аг҃льскіꙗ црквп сиъ иже в лаодикіи собора правило. Ꙗко не подобаетъ

сщнникꙋ и клирикѡмъ нѣкіихъ видѣніи позоровати на брацѣхъ и на вечерѧхъ но преже входа востати имъ и исходити/Истѧзаеми соуть хр̅тіѧне аще на бракъ или на инꙋ трапезꙋ позвани бывше да идꙋтъ с кротостію и плѧсати ниже з боубны и съ сопѣльми скомраховъ приводити не бо достоинѡ есть хр̅тіѧнскаго строеніѧ сегѡ ради сщ̅енникѡмъ и всѣмъ причетникомъ никоегоже собора на брацѣ зрети./Но преже даже невнидꙋтъ глꙋмы дѣющіи и плѧшꙋщіи ѡттꙋдꙋ ѿходѧтъ въ домы своѧ. Егдаже браки твориши не обходи домы, зерцалъ и ризъ все заимствꙋющи, нѣсть бо на показаніе вещь ниже на оукоризнꙋ вводиши свою дщерь по веселѧщи домъ, иже в несоущими. Призови сосѣди и дрꙋги и сродники еликихъ аще вѣси кроткихъ, си призови, и соущими довлѣтися накажи. Да никтоже ѿ плѧсовицъ или ѿ кощꙋнницъ боуде. тако бѡ иждивеніе излишнее и безоѡбразное дѣѧніе. Призови хр̅та прежде инѣхъ всѣх..... в лѣпотꙋ оубѡ не оугодно есть, еже блꙋдницницы и плясавици и скомроха призывати сіе есть чюже хр̅тіѧнства..../Егдаже оубѡ у них бракъ совершаетсѧ и оуготовлено бывает храмина жениxоу с невѣстою идѣже ложю быти и постилают подъ них класы рекше снопове с зернами и ис тых снопѡв пекоут просфиры и в цр̅квь бжію въ приношеніе приносѧтъ..... какъ пріидет женихъ по невѣстꙋ и свахи жениха с невѣстою въ мѣстѣ за зановѣсомъ сажаютъ и с невѣсты снемъ шапкꙋ на жениха надѣваютъ и зъ жениха мꙋжескую шапкꙋ на невѣстꙋ и сщами с огнемъ волхвꙋютъ кроугъ с четырехъ странъ и трижды ко главѣ притыкаютъ и в зеркало смотритисѧ велѧтъ. Да у того же жениха тѣ свахи гребнемъ головꙋ чешꙋтъ. Да иныѧ есть вражьи же затѣи, кругъ стола всѣмъ поездомъ ходѧтъ. А какъ ꙋкрꙋтѧтъ невѣстꙋ и покроютъ еѧ пеленою и оучнꙋтъ хмелемъ

ѡсыпа́ть ѝ ка́къ придетъ жени́хъ с невѣстою ѝ с по́ездомъ въ до́мъ сво́и, такъ ба́бꙋ поставѧт какать и́ ѡблекꙋтъ на неѧ̀ шоубꙋ вы́воротѧ ѝ ѻна̀ ꙗ̀ко ви́димыи кꙋле́шь стоит ѝ ста́нетъ та̀ ба́ба всѣх людеи хме́лемъ ѡсыпа́ть ѝ в то̀ вре́мѧ всѝ шапки подста́вливаютъ, да ѿ вѣнча́ніѧ прихо́дѧтъ жени́хъ съ невѣстою на подклѣть а̑ не за сто́лъ ка́къ во ѝстинныхъ хр҇тіѧнѣхъ веде́тсѧ по хр҇тіѧнскомꙋ ѻбы́чаю, а не по стра́нномꙋ семоу дѣѧ́нію и та́мѡ принесоут ѝмъ коу́рицꙋ жа́ренꙋю а женихъ во́зметъ за́ ногꙋ а невѣста за дрꙋгоу́ю, а̑ оучнꙋт тѧноу́ти е̑ѧ̀ ро́зно и пригова́риваютъ скве́рно е҇же нѣстъ мо́щно ѝ писанію вдати. та́ко врагъ наоучилъ дѣйствовати ста́рыхъ колдꙋнѡвъ, ба́бъ ѝ мꙋжикѡвъ и жени́хъ съ невѣстою по их оу́ченію ѝ понево́ли та́кѡ ѝ творѧ҇ ѝ ꙗ̀ди то́и зѣло̀ рꙋгаютсѧ да е̑щѐ к̑ ни҇ прино́сѧ҇ тоу́же на по̑клѣ҇ каши и ѻни̑ ка́шю че́рпаю҇ и за себѧ̀ ины́е мечю҇ все̑ бѣсовское дѣиство дѣиствꙋю҇ да когда̀ жени́хъ с невѣстою пребыва́ет ѝнно̀ таково̀ скве́рнѡ ѝ зазо́рнѡ велми зрѣти понеже странно не то́кмо рещи но и помы́слити, но́сѧт тоу невѣстинꙋ рꙋба́хꙋ в не́иже съ женихо́мъ пребыва́етъ ко ѻ҇цꙋ е̑ѧ̀ и къ ма́тери и ко всеи роднѣ е̑ѧ̀ и ка́жꙋтъ тоу̀ рꙋбахꙋ. ѡ како́въ позо́ръ и скве́рна ме́рзость твори́тсѧ в̑ правосла́вныхъ хр҇тіѧнѣхъ части и во ѝновѣрныхъ землѧхъ та́кѡ не содѣваетсѧ». Само собою ясно, что отъ такого отрывка не откажется ни историкъ Россіи, ни историкъ-русской литературы. Выборъ изъ старопечатныхъ книгъ такого рода литературныхъ отрывковъ составитъ большой матеріалъ для изслѣдованія.

Точно также очень мало обращается у насъ вниманія на изданіе мѣстныхъ легендъ и сказаній. Почти каждая мѣстность богата своими легендами. Нельзя сказать того, чтобы количество напечатанныхъ мѣстныхъ легендъ и сказаній было недо-

статочно. Объ нихъ можно сказать только, что эти сказанія не собраны въ одинъ сборникъ, что они разбросаны по разнымъ изданіямъ и больше всего по губернскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ, они находятся въ памятныхъ книжкахъ разныхъ городовъ, въ изданіяхъ статистическихъ комитетовъ. Этотъ-то матеріалъ всегда можетъ дать возможность произвести крайне интересное ученое изслѣдованіе. Въ подтвержденіе этой мысли я привожу одинъ образчикъ мѣстной легенды, которая своимъ содержаніемъ можетъ стать наряду съ тѣми знаменитыми балладами, изъ которыхъ брали содержаніе Шиллеръ и другіе нѣмецкіе балладники. Это сказаніе о зачатіи во градѣ Твери Отроча монастыря. У великаго князя Ярослава Ярославича Тверского былъ отрокъ именемъ Григорій, «иже предъ нимъ всегда предстояше и бѣ ему любимъ зѣло и вѣренъ во всемъ». Великій князь посылалъ Григорія по своимъ селамъ, да собираетъ ему повелѣнная. Случилось отроку быть въ селѣ Едимоновѣ, случилось остановиться у церковнаго пономаря Аѳанасія, увидѣть его дочь Ксенію весьма красивую. Задумалъ онъ жениться на Ксеніи, но, боясь гнѣва князя, никому изъ друзей своихъ не сказалъ о своемъ намѣреніи, только наединѣ сказалъ отцу ея Аѳанасію, обѣщая ему во всемъ помогать. Аѳанасій удивился, не зналъ что отвѣчать, пошелъ и спросилъ жену и дочь. Послѣдняя сказала ему: Отче мой! сотвори ему вся сія. Елико онъ тебѣ обѣщася, положи на волю его, Богу бо тако изволившу и сіе да будетъ! Дѣвица та была благочестива и кротка, смиренна и весела и разумъ имѣя великъ зѣло и хождаше во всѣхъ заповѣдехъ Господнихъ и почиташе родители своя зѣло и повинуяся има во всемъ, отъ младыхъ ногтей Христа возлюби и послѣдуя Ему, слышаше бо святое писаніе

отъ отца своего и внимаше прилежно всѣмъ сердцемъ своимъ. Отрокъ же наипаче того уязвися любовію и прилежно о семъ повѣдаетъ отцу ея, да неустрашается: «азъ бо ти во всемъ имаюся и князя умолю во всемъ, ты же не бойся». И такъ они сговорились, чтобы бракъ совершенъ былъ въ томъ селѣ, чтобы вѣнчаться имъ въ церкви святого велико-мученика Дмитрія Селунскаго и жить тутъ, если великій князь повелитъ. Отроковица же послѣ сего рече отцу своему и матери: «Господіе мои! не дивитеся о семъ, что вамъ обѣщался сей отрокъ, онъ бо тако совѣща, но Богъ свое строитъ: не сей бо мнѣ будетъ супругъ, но той его же Богъ мнѣ подастъ. Родители же ея о семъ весьма дивистася, что рече къ нимъ дщерь ихъ». Выискавъ удобное время, отрокъ тотъ падаетъ къ ногамъ великаго князя, проситъ у него позволенія сочетаться законнымъ бракомъ, красу и возрастъ и разумъ дѣвицы оныя изъявляетъ. На эту просьбу князь отвѣтилъ: «Аще восхотѣлъ еси женитися, да поимеши себѣ жену отъ вельможъ богатыхъ, а не отъ простыхъ людей и небогатыхъ и худѣйшихъ и безотечественныхъ, да не будеши въ поношеніи и уничиженіи отъ своихъ родителей и отъ бояръ и друговъ и отъ всѣхъ ненавидимъ будеши и отъ мене удаленъ стыда ради моего». Но отрокъ часто и прилежно молилъ своего князя, который наконецъ соглашается и велитъ ему насадъ приготовить и все необходимое для исполненія его желанія и людей для послуженія отроку. Когда же приближается время обрученію и вѣнчанію его, отпускаетъ его въ насадѣ по Волгѣ рѣкѣ, потому что село то на Волгѣ стоитъ, а коней обѣщаетъ ему вскорости прислать по берегу. Отрокъ поклонился князю и пошелъ въ насадѣ по Волгѣ рѣкѣ со всѣми посланными съ нимъ. На утро великій

князь велѣлъ готовить коней себѣ и своему синклиту, чтобы съ соколами и псами устроить охоту. Въ ту ночь князь видѣлъ во снѣ, что онъ былъ на охотѣ, пустилъ своего любимаго сокола на стадо птицъ, что разогналъ стадо птицъ, поймалъ красивую голубку и принесъ ему въ нѣдра. Проснувшись, князь думалъ о томъ, что означаетъ сонъ, и никому не разсказалъ его. Князь велѣлъ взять на ловъ всѣхъ птицъ, и пошелъ съ охотниками въ ту сторону, гдѣ былъ отрокъ. Великій князь былъ холостъ и молодъ, имѣлъ только двадцать лѣтъ. Отрокъ же, ѣхавшій въ насадѣ, присталъ къ берегу, ожидая коней и пославъ вѣстниковъ къ дѣвицѣ, чтобы все было готово по обычаю брачному. А дѣвица отвѣтила посланнымъ: «возвѣстите отроку даже помедлѣетъ тамо дондеже сама вѣсть пришлю къ нему, какъ вся изготована будутъ, понеже бо намъ отъ него о приходѣ его вѣсти не было». А дѣвица провидѣла приходъ великаго князя къ себѣ и сказала родителямъ: «яко уже сватъ мой пріѣхалъ, а женихъ мой не бывалъ еще, но уже будетъ, онъ замедлилъ, потому что въ полѣ тѣшится, подождемъ его немного время, пока онъ пріѣдетъ къ намъ». Но объ имени новаго гостя она никому изъ сродниковъ своихъ не повѣдала, но готовила ему честные дары, которые сама приготовляла. Дивились словамъ ея сродники. Великій князь не зналъ того села и хотѣлъ быть въ немъ на утро или на другой день, чтобы видѣть своего отрока оженившимся. Ночевалъ онъ на ловѣ, потому что село то отстоитъ отъ Твери на четырнадцать поприщъ. Ночью князь видѣлъ прежній сонъ и снова надъ нимъ задумался. Утромъ онъ продолжалъ заниматься охотой. Отрокъ же, не дождавшись коней и опасаясь, что князь можетъ воротить его назадъ, пошелъ

въ тотъ дворъ, гдѣ была дѣвица. Сѣли они вмѣстѣ на мѣсто свое, такъ какъ скоро должно было наступить время ихъ вѣнчанія. Отрокъ требовалъ, чтобы скорѣе все устроивали и разносили дары, а дѣвица сказала отроку: «не вѣли спѣшить ничѣмъ, да еще у меня будетъ гость незваной, но лучше всѣхъ и званыхъ гостей». Великій же князь въ то время былъ близъ села того, увидѣлъ стадо лебедей на Волгѣ рѣкѣ, пустилъ на нихъ любимаго своего сокола и поймалъ много лебедей. А между тѣмъ соколъ великаго князя заигрался, полетѣлъ на село то. Великій князь, погнавшись за соколомъ, быстро пріѣхалъ въ село. Соколъ сѣлъ на церкви великомученика Дмитрія Селунскаго. Оказалось, что село это принадлежитъ ему, великому князю. Въ это время множество народа собралось смотрѣть, такъ какъ уже хотѣли итти къ вѣнчанію. Князь велѣлъ сокола своего манить, но соколъ не слушался, оправлялся и чистился. Князь пошелъ на дворъ, гдѣ былъ отрокъ, въ дорожномъ платьѣ, такъ что его никто не встрѣтилъ. Только дѣвица сказала сидящимъ: «возстаните вси и изыдите въ срѣтеніе своего великаго князя, а моего жениха». Всѣ дивились, а между тѣмъ князь дѣйствительно вошелъ. Всѣ встали, но князь велѣлъ имъ сѣсть, чтобы видѣть жениха и невѣсту. Дѣвица же въ это время сказала отроку: «изыди ты отъ мене и даждь мѣсто князю своему, онъ бо тебя больше и женихъ мой, а ты былъ сватъ мой». Великій же князь, увидѣвъ дѣвицу до того прекрасную, что какъ бы лучи исходили отъ ея лица, сказалъ отроку своему Григорію: «изыди ты отсюду и изыщи ты себѣ иную невѣсту идѣже хощеши, а сія невѣста бысть мнѣ угодна, а не тебѣ». Вышелъ изъ своего мѣста отрокъ. Князь взялъ дѣвицу за руку и пошли они въ

церковь великомученика Димитрія Селунскаго, устроили обрученіе и цѣлованіе, а потомъ и вѣнчались въ тотъ день. Когда послѣ вѣнчанія шелъ князь изъ церкви, то соколъ, сидя на церкви, началъ трепетаться, весело поглядывая на князя. Князь спросилъ сокольниковъ: «слетѣлъ ли къ вамъ соколъ или нѣтъ». Они отвѣтили: «не летитъ съ церкви». Князь взглянулъ на сокола и кликнулъ его. Соколъ скоро прилетѣлъ къ великому князю, сѣлъ на правой его рукѣ, посматривая на князя и княгиню. Князь отдалъ сокола своему сокольнику. А между тѣмъ отрокъ одержимъ былъ кручиною, ни пилъ ни ѣлъ. Князь утѣшалъ его, разсказывалъ ему сны свои, которые такимъ образомъ сбылись. Ночью отрокъ снялъ съ себя пожалованное княземъ платье, купилъ себѣ платье крестьянское, потихоньку вышелъ изъ села. Утромъ потребовалъ къ себѣ отрока князь и, узнавъ о случившимися, велѣлъ искать его всюду по рѣкѣ и по колодцамъ, боясь чтобы онъ не предалъ себя безвременной смерти. Князь печалится, называя себя виновнымъ въ смерти отрока. Княгиня же начала успокаивать князя: «Богу такъ угодно изволившу быть мнѣ съ тобою в совокупленіи, аще бы не божіимъ повелѣніемъ, како бы было мощно тебѣ, великому князю, къ нашей нищетѣ пріѣхати и пояти мя за себя. Ты же не печалися о семъ, но иди съ миромъ во градъ свой и меня поими съ собою, ничего не бойся». Отпустилъ князь свою княгиню въ насадѣ и бояръ своихъ, которые были съ отрокомъ, въ Тверь и наказалъ боярамъ, чтобы берегли великую княгиню, кланялись ей и слушали ее во всемъ. Самъ же великій князь по прежнему поѣхалъ берегомъ, дѣюще потѣхи своя и ловы, и прибылъ въ Тверь прежде княгини своей. Когда же прибыла великая княгиня его Ксенія

къ городу Твери, то великій князь велѣлъ боярамъ своимъ, боярынямъ и своимъ дворовымъ и всему городу, чтобы вышли на встрѣчу великой княгини. Весь городъ, мужи и жены и младенцы отъ мала до велика съ дарами встрѣтили ее на берегу у церкви Архангела Михаила. Всѣ смотря на красоту княгини дивились ей. И было у великаго князя пированіе на многи дни всякому чину отъ мала до велика. Долго объ отрокѣ не было никакого слуха. Отрокъ пришелъ на рѣку Тверцу, на мѣсто отъ города Твери на пятьдесятъ поприщъ, поселился въ лѣсу, устроилъ себѣ хижину и часовню. Увидали его близь живущіе люди, которые спрашивали его: кто тебѣ велѣлъ вселиться въ нашемъ мѣстѣ. Отроку во снѣ является Богородица. Пришли въ тотъ лѣсъ княжіе люди звѣрей ради. Княжіе люди узнали отрока, который уже три года скрывался въ лѣсу, взяли его съ собою и привели къ князю. Князь приказалъ ввести отрока въ верхнія палаты, облобызалъ его и предложилъ ему оставаться въ прежнемъ его чинѣ. Но отрокъ просилъ только расчистить занятое имъ мѣсто въ лѣсу. Князь вскорѣ велѣлъ собрать крестьянъ и иныхъ людей, чтобы расчистили то мѣсто, которое покажетъ отрокъ. По времени и самъ князь пришелъ на то мѣсто, устроилъ храмъ, при освященіи его присутствовалъ съ княгинею. «И назвася мѣсто отъ великаго князя Ярослава Ярославича Отрочь монастырь». На другой день послѣ освященія церкви отрокъ Григорій постригся въ иноческій чинъ подъ именемъ Гурія. [1] Это сказаніе очень важно, представляя намъ новый варіантъ разсказа о мудрой дѣвѣ, какъ варіантъ къ разсказамъ о томъ, какъ князь женится

[1] Тверскія Губернскія Вѣдомости 1865 года, № 36.

на дѣвушкѣ изъ низкаго класса, какъ варіантъ для сказаній о томъ, какъ охотникъ гонится за птицей или звѣремъ и находитъ нѣчто необыкновенное, наконецъ какъ варіантъ къ сказаніямъ объ отрокѣ, у котораго отнимаютъ невѣсту и который послѣ этого уже не можетъ оставаться въ мірѣ, жить съ людьми. Варіантъ для послѣдняго мотива мы имѣемъ еще въ житіи Гурія Казанскаго, бѣднаго боярина, который нравился госпожѣ богатаго боярина, отъ преслѣдованій котораго Гурій уходить въ монастырь. Изъ приведеннаго нами примѣра ясно, что изслѣдованіе мѣстной литературы разныхъ областей нашей Руси могло бы доставить немаловажную и даже очень цѣнную работу для нашихъ ученыхъ. А между тѣмъ большинство нашихъ ученыхъ все стремится производить изслѣдованія въ области болѣе далекой, въ области исторіи церкви, къ изученію которой не имѣетъ и надлежащей подготовки, какъ спеціальной. Результаты послѣдняго рода изслѣдованій слишкомъ малы, если не сказать маловажны.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что неисчерпаемый источникъ для ученыхъ работъ представляетъ наша народная поэзія. Руская народная поэзія составляетъ гордость и украшеніе нашей литературы. Если искусственною литературой мы присоединились къ общему европейскому теченію въ XVIII вѣкѣ, то народною поэзіей мы съ древнѣйшихъ временъ соединены со всѣмъ индо-европейскимъ племенемъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что нашей обрядовой поэзіей мы многое внесемъ для объясненія ранней ступени развитія племени. Нашъ богатырскій эпосъ, подобно Испанскому, эпосъ защиты Европы отъ вторженія въ нее Востока Азіи, какъ Испанскій—вторженія Африки. Въ этомъ сходствѣ

мы можемъ искать объясненія и того, что уже давно наши ученые сравнивали Сида съ Ильею Муромцемъ. При такомъ высокомъ значеніи русской народной поэзій, на насъ, изслѣдователяхъ, лежитъ серьезная обязанность всесторонняго ея изученія, приложенія разнообразныхъ методовъ къ ея изученію. До сихъ поръ изслѣдователи памятниковъ народнаго творчества ограничивались почти исключительно разработкою на основаніи содержанія памятниковъ, объясняли историческими данными или сравненіемъ съ памятниками другихъ народовъ. Всѣ наши ученые діаскевасты соединяли или сопоставляли одну былину съ другой на основаніи ихъ содержанія. Но объясненіе былинъ только на основаніи содержанія, на основаніи историческихъ взглядовъ—недостаточно. Всѣ наши ученые пришли повидимому къ несомнѣнному выводу, что у насъ существуетъ циклъ богатырей князя Владиміра. Но такъ какъ циклъ представляетъ князя Владиміра единымъ, собирателемъ Русской земли, то нѣкоторые ученые относятъ этотъ циклъ ко времени московскихъ князей—собирателей Руси. Конечно, и на основаніи содержанія можно говорить, что былинный Владиміръ ласковый, съ каковымъ эпитетомъ не являлись московскіе князья собиратели; но если мы помимо исторіи обратимся къ поэтической критикѣ, то она представитъ намъ слѣдующія объясненія. Или былинный Владиміръ такъ создавался на основаніи исторической дѣйствительности, или онъ—идеалъ будущаго для народа, въ немъ народъ воплотилъ свои желанія единства власти въ Русской землѣ, когда во время набѣговъ половцевъ и удѣльной системы тяжело было народу. Эти желанія какъ стонъ вырываются у автора XII вѣка,—автора Слова о полку Игоревѣ. Такимъ образомъ мы обязательно должны произвести поэтическую или литературную критику надъ

памятниками народнаго творчества, какая производится надъ всякими литературными памятниками. Указаніями на потребности критики литературной при разработкѣ памятниковъ народнаго творчества полезно введеніе къ сборнику Гильфердинга. Но эти указанія какъ то игнорируются нашими изслѣдователями народной поэзіи. Я не знаю до сихъ поръ ни одного молодаго ученаго, который поставилъ бы въ основу своего изслѣдованія эти наблюденія. Изслѣдованіе въ этомъ направленіи привело бы къ очень большимъ результатамъ. Всѣмъ извѣстно, что мы имѣемъ очень большое изслѣдованіе объ Ильѣ Муромцѣ. Изслѣдованіе это основано на народныхъ былинахъ. Обыкновенно когда мы пишемъ какую-нибудь ученую работу, то мы производимъ критику тѣхъ источниковъ, на которыхъ мы ее основываемъ. А въ обширномъ изслѣдованіи объ Ильѣ Муромцѣ только этого и недостаетъ. А если не произведена критика надъ памятниками, на которыхъ основана работа, можемъ ли мы успокоиться и вѣрить ея выводамъ? А въ такомъ же положеніи находится и большая часть изслѣдованій у насъ по народной поэзіи. Не спасетъ изслѣдователей отъ непрочности ихъ выводовъ и то, если они будутъ задаваться обслѣдованіемъ отдѣльныхъ вопросовъ, напр., объ одномъ богатырѣ, объ одномъ подвигѣ героя, потому что все равно почва остается зыбкая. И такъ для изслѣдователя одного содержанія мало, а нужна и критика текста былинъ. Представимъ себѣ, что Иліада до сихъ поръ не была записана, и вздумаемъ произвести изслѣдованіе кантилены: Прощанье Гектора съ Андромахой. Можно ли эту картину нравовъ, эту бытовую картину семейныхъ отношеній отнести къ нашему настоящему времени?—можно; можно ли перенести эту картину нравовъ въ XVIII и XVII

вѣкъ?—можно; къ среднимъ вѣкамъ?—можно. Если же мы имѣемъ эту кантилену записанною во времена Солона, то это представитъ дѣло уже совсѣмъ въ другомъ освѣщеніи. По всей вѣроятности мы никогда не отыщемъ памятниковъ нашего народнаго творчества, записанныхъ раньше XVII вѣка. Какъ извѣстно, въ настоящее время стараются отыскивать и обнародывать записи памятниковъ народнаго творчества, сохранившихся въ рукописяхъ XVII вѣка, потому что и столѣтіемъ раньше записанная былина, пѣсня или дума всегда дастъ новый матеріалъ для соображеній изслѣдователя. А потому намъ болѣе другихъ народовъ, у которыхъ сохранились записи народныхъ произведеній отъ раннихъ столѣтій, придется работать надъ очисткой текста былинъ, пѣсенъ и думъ. Тѣ памятники народнаго творчества, которые заимствовали свое содержаніе изъ литературы, конечно, могутъ быть объяснены изъ послѣдней. За такую работу у насъ берутся довольно охотно. Но этимъ методомъ работы можно объяснить далеко не всѣ памятники народнаго творчества. И такъ, кромѣ эстетической, художественной критики, слѣдуетъ приниматься за критику текста былинъ. Третье, на что слѣдуетъ обратить вниманіе при разработкѣ памятниковъ народнаго творчества—это напѣвъ и стихъ, какъ рекомендовалъ это покойный профессоръ Потебня. Еще извѣстный собиратель Рыбниковъ обратилъ вниманіе на напѣвъ былинъ. Онъ замѣтилъ, что одинъ и тотъ же быстрый голосъ веселъ въ Ставрѣ, въ Потыкѣ какъ-то заунывнѣе, а въ Вольгѣ и Микулушкѣ выходитъ торжественнымъ. Протяжный напѣвъ звучитъ мужественно въ двухъ королевичахъ изъ Кракова и въ Ильѣ Муромцѣ, и дѣлается грознымъ въ Ильѣ и Поляницѣ [1].

[1] Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ. Томъ III, стр. XXXVII.

Еще болѣе обратилъ вниманіе на напѣвы былинъ Гильфердингъ, который говоритъ: «Рыбниковъ разумѣетъ собственно напѣвъ, но за напѣвомъ скрывается его основа—размѣръ стиха. Въ Ставрѣ хорей съ дактилемъ, въ Потыкѣ чистый хорей, въ Вольгѣ и Микулушкѣ—анапестъ. Эти три размѣра вмѣщаютъ весь нашъ народный эпосъ за исключеніемъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ его произведеній. Преобладающій размѣръ, который я назову обыкновеннымъ эпическимъ размѣромъ, есть чистый хорей съ дактилическимъ окончаніемъ [1]. Второй размѣръ въ былинахъ можно назвать игривымъ, которымъ сложены былины менѣе серьезныя по своему содержанію, какъ Соловей Будимировичъ, Чурила Пленковичъ [2]. Третій размѣръ анапестическій (со стихомъ медленнымъ и грузнымъ) соотвѣтствуетъ тому, что Рыбниковъ называетъ торжественнымъ напѣвомъ, и встрѣчается въ весьма немногихъ былинахъ, а именно въ Вольгѣ, Микулѣ и Колыванѣ. Тѣмъ же размѣромъ пѣлась вѣроятно былина и о дѣтствѣ Ильи Муромца [3]. Такимъ образомъ на основаніи напѣва предлагается группировка былинъ по времени ихъ происхожденія или появленія. Что напѣвъ тѣсно связанъ съ текстомъ пѣсни, это наглядно видно изъ того, что нѣкоторые пѣвцы безъ пѣнія не могутъ передать былинъ. Этотъ вопросъ о сортировкѣ былинъ по времени на основаніи напѣвовъ, поставленный такимъ знатокомъ, какъ Гильфердингъ, имѣетъ важное значеніе и ожидаетъ изслѣдователя. Нельзя не отмѣтить, какъ рѣзко анапестическій размѣръ или торжественный напѣвъ выдѣляетъ былины о Вольгѣ, Микулѣ, Колыванѣ и дѣтствѣ Ильи

---

[1] Гильфердингъ: Онежскія былины, стр. XXXIII.

[2] Ib., стр. XXXVIII.

[3] Ib., стр. XL.

Муромца въ одну раннюю группу. Къ сожалѣнію, наши народныя пѣсни, равно какъ и былины, записаны безъ голоса. Правда, мы имѣемъ очень немногія записи Балакирева, Рубца, Мельгунова, Лысенко, Пальчикова, но и эти немногія записи представляютъ только пѣсни. Для былинъ мы имѣемъ только краткія ноты изъ сборника Кирши Данилова. Мы не имѣемъ такихъ записей, которыя есть у чеховъ въ лицѣ Сушилы и Ербена, а у поляковъ—Кольберга. Наши записи напѣвовъ народной поэзій слишкомъ недостаточны, чтобы мы на основаніи ихъ могли произвести какія-либо изслѣдованія. Но если въ настоящее время по недостатку матеріала мы не можемъ приняться за распредѣленіе пѣсенъ по напѣвамъ, то мы должны стремиться къ этому, должны ставить на видъ собирателямъ устной народной поэзіи, чтобы они собирали ихъ съ напѣвами. Покойный профессоръ Потебня предлагалъ положить въ основу распредѣленія пѣсенъ не содержаніе ихъ, каковы обрядовыя, былевыя, бытовыя, а формальное основаніе дѣленія, то, на чемъ они держатся въ памяти пѣвцовъ, именно напѣвы. Пѣсня, говоритъ онъ, слагается по образцу прежней, т.-е. между прочимъ примыкаетъ къ ней своимъ напѣвомъ и стихотворнымъ размѣромъ. Это наиболѣе общія основанія генетическаго распредѣленія. Установленіе генеалогіи напѣвовъ должно бы итти объ руку съ изслѣдованіемъ генетическихъ отношеній размѣровъ [1]. Указывая на важное значеніе изученія внѣшней стороны памятниковъ народнаго творчества, Потебня говоритъ, что болѣе трудное примѣненіе основанія дѣленія пѣсенъ есть сходство или сродство поэтическаго, т.-е. все-таки

[1] Потебня: Разборъ пѣсенъ, собранныхъ Головацкимъ, стр. 42.

не того, что говоритъ пѣсня, а того, какъ она говоритъ, и что ближайшая задача пока только классифицировать однородные образы. Потебня полагалъ, что теперь, пока напѣвы не собраны, можно работать надъ стихотворнымъ размѣромъ. Онъ произвелъ подобный опытъ надъ южно-русскими памятниками народнаго творчества. Правда, онъ не производилъ такого обслѣдованія надъ былинами и великорусскими пѣснями, что гораздо затруднительнѣе, но въ своемъ вопросѣ онъ пришелъ къ тому, что размѣръ колядокъ всегда одинаковъ, что онъ сходенъ съ размѣромъ сербскихъ эпическихъ пѣсенъ и что онъ очень древенъ, а между тѣмъ напѣвъ этотъ еще до сихъ поръ не изданъ, что веснянки имѣютъ нѣсколько размѣровъ, но одинъ изъ нихъ примыкаетъ къ размѣру колядокъ, что свадебныя пѣсни въ формальномъ и генетическомъ отношеніи не составляютъ одного типа, что размѣровъ у нихъ нѣсколько. Потебня указалъ на одинъ размѣръ, который документально относится къ третьей четверти XVI вѣка и находится у поляковъ и словаковъ. Потебня прослѣдилъ этимъ размѣромъ пока раннія пѣсни о сироткѣ, на которой женится король, но которую загубила проклятая баба, какъ и у Пушкина въ сказкѣ о царѣ Салтанѣ, далѣе пѣсню о лютой свекрови, нелюбимая невѣстка которой превращается тополью, которую сынъ ея долженъ рубить; пѣсню, какъ мать встрѣчаетъ сына медомъ, а нелюбимую невѣстку—ядомъ; пѣсню о томъ, какъ и за гробомъ неразлучны любовники; пѣсню о разлукѣ вслѣдствіе людской злобы; пѣсню о неудачномъ бѣгствѣ любовниковъ; пѣсню о томъ, какъ дѣвица, преслѣдуемая мачихой, тонетъ въ Дунаѣ. Потебня указалъ такимъ образомъ, что сходное содержаніе пѣсенъ отвѣчаетъ и одинаковому размѣру. Мы не настаиваемъ

на томъ, что одно обслѣдованіе размѣра или напѣва рѣшитъ удовлетворительно вопросы обслѣдованія нашей народной поэзіи. Конечно, къ этому нужно прибавить и классификацію поэтическихъ образовъ и сортировку общихъ мѣстъ, и вообще всю литературную критику текста. Пора намъ приняться за разработку формальной стороны памятниковъ нашего народнаго творчества, пора приняться за литературное изученіе текста былинъ, не оставляя, конечно, ни историческаго, ни сравнительнаго изученія ихъ.

Вотъ, по нашему мнѣнію, тѣ главныя задачи, на которыя должно быть обращено вниманіе ученаго, который хочетъ заниматься изслѣдованіемъ памятниковъ нашей древней письменности и народной поэзіи.

Цѣна 50 копѣекъ.

Адресъ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности:
Фонтанка, 34 (домъ Гр. С. Д. Шереметева).